

ГЛАВА 1

Край-Болото

Царица уронила путеводную нить.

Пахло можжевельником, сосной, ясноткой¹. Сгущались тени. Царица бежала по мокрой тропе, кривые ветки царапали щёки. На дворе стояла ранняя яблочная осень, но чем ближе было к Край-Болоту, тем холодней делался воздух, стыл, и тропа отзывалась ледяным звоном.

Высоко в кронах роились шорох и свист. Царица вскинула голову. Застыла, прислушиваясь. Всю дорогу от дворца заметала следы; ни зверь, ни птица не должны были её заметить. Но здесь, у Край-Болота, не только звери водились, не только птицы.

¹ Яснотка — трава с белыми, розовыми или пурпурными цветами.

Тряхнуло ветви. В этот раз царица разглядела: вспорхнула пичуга, понеслась к ясному тёплому солнцу высоко над лесом. У корней же между стволами змеилась тьма. Царица постояла, прижав руку к груди, глубоко вдыхая можжевеловый дух. Тянулись уже тонкими жилами болотные запахи: гниль, багульник, сосновая смола. А впереди, там, где тропа заворачивала к берегу, мигали, маня, огни...

Немного. Совсем немного осталось.

Царица наклонилась, подхватила упавшую нить. Путеводная паутина мерцала серебром, висла впереди — тонкая, но и сам владыка не оборвёт. Намотала на палец и пошла, побежала дальше, отталкиваясь от шершавых стволов. Ладони кровили, ноги сбила, но чувствовала: совсем, совсем близко Край-Болото. Тенью пахло. Пеплом, углями, берестой, свечами белыми. А к тому же — палыми листьями, поздней ясколкой², шалфеем.

Царица закрыла глаза. Шагнула за поворот. Нежно, едва уловимо повеяло дождём, мокрым камнем. Открыв глаза, увидела она Край-Болото. Всюду посветлело: вышли из лесу молодые берёзы, спустились к самой кромке — молчаливые, как невесты. По тине стелилась дымка, над водой стоял лебединый клик. Холодно и весело стало на душе. Путеводная нить выскользнула из рук и опустилась в болото, под цветы одолень-травы. Царица нагнулась, вглядываясь в оконца ряски. В первый миг ничего не увидела, и во второй ничего. А в третий сердце подпрыгнуло, заметалось в груди. Спёрло

² Ясколка — трава с мелкими бело-серыми цветами.

дыхание; пёстрые пятна поплыли перед глазами. Царица опустилась на колени у болотной кромки, склонилась к самой воде. Там, в лазоревой мгле, в лаловой¹ глубине вилась узкая тропка меж осин. По правую руку шло знакомое всхолмье, по левую вставали околицы Звериной земли, батюшкин кривой сад. Царица, забывшись, потянулась вперёд... Пальцы обожгло ледяной водой, гладь зарябила, исчезли и тропа, и угорья. Царица, сжав зубы, опустила руку по локоть, но нащупала только скользкий ил. Корни обвили запястье, потянули вниз, впиваясь, царапая. Царица, охнув, отпрянула. Онемели пальцы — кто знает, когда отойдут.

Заломило запястье, холод дошёл до локтя — будто змея ужалила. Придерживая заледеневшую руку, царица снова вгляделась в воду. Болото успокоилось, разошлась ряска. Лучше прежнего стали видны узкие стёжки Тэни. Потянуло туда с такой силой, что взвыть захотелось. Домой. Домой! Только как? Подскажи, владыка!

Царица сцепила пальцы, опустила голову. Венец давил, так и норовили выскользнуть косы.

Домой.

Блеснула в глубине путеводная паутина. Показалось или зовёт кто?

Царица распахнула глаза.

Близко-близко была вода. Ворчали колпицы².

Домой!

Далеко, глухо разносилось ворчание над болотом.

¹ Лал — рубин или красная шпинель.

² Кóлпица — болотная птица.

Царица склонилась ещё ниже. В нос ударил запах тины, влажной лягушачьей кожи. Ледяная вода коснулась лба. Царица зажмурилась, набрала воздуха и опустила лицо в болото.

Словно иглы вонзились в кожу — те, серебряные, которыми тени прорехи штопали. В носу закололо, от темени до пят прошило ледяным сабельным ударом, потянуло вниз. Царица беззвучно закричала: не было под тиной ни троп, ни башен. Только подводные корни, болотные норы, листья, осока, цепкие стебли — потянулись к лицу, захлестнули шею. Царица ощупью искала на берегу, за что ухватиться: хоть за корягу, хоть за камень... Пальцы скребли сырую землю, впивались в неё, а кувшинки манили вниз, слышались издали болотные колыбельные.

*В тину, в тишину сердце утяну...
Позабудь печаль, незачем кричать...*

Воздух кончался. Свет мерк. Пригрезился в старой осинолке³ мальчик-лодочник.

*Спи и забывай... Горести забудь,
Закрывай глаза. Тёмен будет путь.*

Бледный жёлтый цветок качнулся перед взором, вспыхнула красным ягода.

*В темноте легко: морок⁴ и покой,
Шёпот, бирюза... Закрывай глаза.*

³ Осíновка — небольшая долблёная лодка, которая делалась из цельного осинового ствола.

⁴ Мóрок — нечто одуряющее, помрачающее рассудок.

Осеннее солнце послало под воду луч. Царица отчаянно дёрнулась и вырвалась из плена. Вдохнула, зарыдала, захлёбываясь от ужаса. Только тут вспомнила: Драгомёр! Ратибёр! Пускай ничего не вышло, зато снова увидит их... И Милонéга... Потеплело на сердце.

Квакая, отплыла сонная лягушка. Царица проводила её мутным взглядом: большая-то какая. И вокруг — сияние, совсем как в Тени ветер колышется...

— Эй, — окликнула царица, сглотнув горечь. — Эй... Лягушка!

Лягушка уселась на кувшинке, опустила веки. Царица собралась с силами, потянулась к ней взглядом, мыслью:

— Ты... из Тени?

Лягушка не шелохнулась. Не услышала будто даже. А царица, как ни пыталась, не могла ни дозваться, ни дотянуться. Словно скорлупа выросла вокруг лягушачьего тела — невидимая, колдовская, такая знакомая... знакомая... Царица ахнула, узнав. Кощеево колдовство, тёмное грубое кружево. Оно! Владыка руку приложил, он лягушку заколдовал, чтоб не дозваться было.

— Лягушка! Помоги! Ты же из Тени, ты Кощея знаешь. Помоги мне домой вернуться!

Лягушка тяжело соскользнула в воду — без брызг, без кваканья.

— Лягушка... — прошептала царица, уронила руки. — Помоги! Горячо мне здесь, больно, тяжело... Батюшка у меня там...

Миг спустя распрямилась, собрала всю силу, какая осталась, подозвала ближе тёмные воды, нагнала ряби,

сгрудила тину, потянулась к лягушке, затихшей под ряской. Теперь, когда не пыталась царица нырнуть, болото слушалось, легко подчинялось. Но колдовство на лягушке лежало крепкое, не по царицыному уменью. Она б с таким и в Тени не справилась, не то что здесь. Не услышит её лягушка и не расскажет, как сюда попала, тут ли дорога домой. Колдовство на ней Кощеево, на живом и мёртвом замешанное, на острие, на самой тропочке пограничной. Значит, и разрубить его под силу одному только Кощею да тому, кто и в жизни, и в смерти побывал. Куда уж ей, унесённой из Тени, чужой в Солони...

Но лягушка, лягушка эта — неспроста до неё не дозваться, неспроста она на Край-Болоте сидит — в месте, где в чёрных сказках дорога в Тень открывается. Нужно дознаться. Отыскать способ! Перемолвиться с лягушкой, проведать... А пока, выходит, нет тут пути. Назад надо.

Пошатываясь, царица поднялась на ноги. Ухватилась за ветку, рукавом вытерла лицо. Тяжело, сладко дышалось болотным маревом. Колыбельная ещё звучала в ушах — глухо, на сто голосов. Давняя, знакомая — её и сыновьям пела, пока малы были.

Цепляясь за стволы, побрела царица прочь. Край-Болото только притворяется светлым-ласковым. Силы до того выпивает, что ноги еле переставляешь — равно как в той сказке говорилось. Силы тянет, в сон клонит... Точно так всё. Но не испугалась ведь, пошла, отыскала. И всё, всё напрасно, если только не разгадать, как до лягушки добраться!

Миновала лес, миновала погост. Темнел по левую руку свежий холм, под которым спали семеро девок — угорели

разом в одной бане. По правую руку двадцать холмов темнело: ратники с рахázских полей на щитах вернулись.

Скользнула в ворота, глянула на дозорных с копьями на забрале¹. Заперла за собой тяжёлые створы, побрела тихими улочками Крапíвы-Гра́да, на ходу убирая сторожевые струны, распутывая охранные узелки. Добралась до дворца. Шагнула через порог покоев, провела ладонью по лицу, махнула рукой. Оттаяло и пошло время; никто не заметил её отлучки.

Скинула отяжелевшую телогрею², красную рубашку³, пояс и опястья⁴. Осталась в льняной рубахе до пят, опустилась в кресло — заморское, с ажурным узором, точёными, золочёными ножками — подарок Милонегга к венчанью. Уж сколько лет прошло, а кресло будто вчера сработано.

Закрывает глаза. Болотные вихри закружились, сдавило грудь.

Глубоко вдохнула. Страшно. Страшно. Снова не той дорогой пройти хотела. Не так просто в Тень попасть, давным-давно сама убедилась и всё равно поддалась, едва не утопла. Не зря это место Край-Болотом зовут, не зря стороной обходят и звери, и птицы. Даже берёзы

¹ Забрáло — площадка для воинов наверху крепостного ограждения, защищённая с внешней стороны брёвнами или зубцами.

² Телогр́ея — распашная одежда, застёгивающаяся на множество пуговиц.

³ Красная рубашка — нарядная шёлковая рубашка с очень длинными рукавами, надевавшаяся поверх нижней, льняной.

⁴ Опя́стья — украшенные вышивкой или камнями ленты из плотной ткани.

там — и те не такие, даже лебеди — и те больше на Тенных птиц походят, невесомые, ясно-тонкие.

Там ключ. Там путь. Но где взять ключ этот? Какой им замок отомкнуть? Где бы хоть кусочек достать колдовства Тени, чтоб отозвалась, впустила? Где?.. Подай знак!

Царица сдавила виски. Искать. Искать дальше. Из Семиградья гонцы вот-вот вернутся, нужно порасспросить. Из Траворéчья на той седмице⁵ привезли свитки — изучить надо, не откладывая. А в Медвежий угол, говорят, калики перехожие⁶ вернулись — надо и к ним наведаться. Жаль, в Рахазье книжницу⁷ ханскую сожгли войска Милонéговы. Как знать, может, что-то бы там сыскала...

Постучали в дверь. Царица тяжело подняла голову.

— Войди.

Заглянула чернавка⁸, молодая совсем, едва в юбку вскочила.

— Царь-батюшка спрашивает, не изволишь ли с ним отобедать.

— Скажи, изволю.

Чернавка поклонилась, испуганно поглядела, как царица смотрит будто сквозь. Та и впрямь смотрела в расписную стену, а виделись осиновый лес, заячья могилка,

⁵ Седмица — неделя.

⁶ Кáлики перехóжие — паломники, нищие на Руси.

⁷ Кнѣжница — библиотека.

⁸ Чернáвка — служанка, прислуживающая знатной женщине или занятая чёрной работой.

поставец¹ у крыльца, где свечи сушила... Княженичные Тенные болота виделись, нежные дожди.

Чернавка робко окликнула:

— Царь-батюшка спрашивает, не изволишь ли за обедом о важном деле побеседовать.

— Изволю, — проронила царица, откидываясь на подушки. — А ты, милая, изволь шубку² мне принести.

— Принесу, матушка, — кивнула чернавка.

Затворилась дверь. Царица забылась на мгновенье. Послышался пересвист сизой горихвостки — точь-в-точь как в Тени. Но то был только ветер, только ветер в царском саду.

* * *

— Бледна ты нынче, Гнёвушка, — ласково произнёс Милонег. Привстал, протянул руку. — Нездоровится?

— Не бери в голову, сокол мой, — ответила царица, садясь слева. — А царевичи где?

— Позже явятся. — Царь опустил ся на лавку, и тотчас вошли слуги, внесли яства. — Я с тобой одной поговорить хотел.

— Расскажи, мой сокол, — кивнула Гнёва. Улыбнулась вымученно, чувствуя, как тянет болото. До сих пор не рассеялась перед глазами ледяная хмарь. — Расскажи, что на сердце.

Царь опустил пареную репу в плошку со сметаной. Поводил, оставляя бледы³ разводы. Бросил:

¹ Поставец — невысокий шкаф с полками.

² Шубка — длинная одежда из парчи, бархата или тафты. Надевалась поверх красной рубашки.

³ Блédый — бледно-желтоватый.

— Стрелы готовы.

Царица себя ничем не выдала; только дрогнуло сердце, пальцы свело на миг, и вспыхнуло: вот тебе знак. Вот тебе знак, Гнева!

— Стрелы? — тихо повторила, не сводя с Милонег глаза. — Те? Что в семи ручьях?..

— Те, — кивнул царь. — Сама знаешь, нельзя их томить. Выходит, пора.

— Пора, выходит, — откликнулась Гнева, не замечая ни блюда с дичью, ни кувшина с мёдом.

— Вот и хотел я посоветоваться: когда?

— Все три? — Царица сцепила руки, плотней стянула на груди телогрею. — Все три готовы?

— Все три, — снова кивнул царь.

— Зачем тогда медлить, — молвила Гнева, и облако закрыло солнце, темно стало в горнице, как в сумерки. — Сегодня объяви. А завтра пускай стреляют.

Царь потянулся к мочёной бруснике, просыпал алые ягоды на белую скатерть.

— Кабы беды не было.

— Сколько царевичей до тебя стреляли, сколько после выстрелят. Ты и сам так невесту сыскал, верно?

— Верно, — ответил Милонег. Медленно улыбнулся, глянул то ли в прошлое, то ли в душу. — Велю вечером царевичам рассказать.

— Зачем же до вечера тянуть?

— Днём семиградские послы явятся. Паволоки⁴ привезли, вина да вести дурные. Надобно разузнать.

⁴ Паволока — шёлковая или бумажная дорогая ткань.

— Надобно. — Гнева налила из кувшина мёда, откусила хлеб. — Только всё же зачем тянуть? Позволь мне самой сыновьям сказать.

— А Иван?

— Позволь мне самой сыновьям сказать, — мягко повторила царица. — И Драгомиру, и Ратибору. И Ивану.

КОЩЕЙ. ПРЕДРАССВЕТЬЕ

Помнилось тепло рук, ласковая улыбка. Застывал воск на белых свечах. Тени сновали рядом, а матушка склонялась, улыбаясь, и плыла песня — давняя, дивная. Сладко дремалось, и взгляд матушкин был такой, словно ничего дурного никогда не случится, словно жизнь будет долгой, как Тенные поля, как ночи, тянувшиеся без конца и без края под виденья, под колыбельные, под шёпот, и шелест, и матушкины сказы.

«Раскинулась Сólонь от края до края: темнели в ней леса дремучие, стояли грады богатые, ярмарки шумели, золотой хозяин днём землю пестовал, серебряный пастух ночью пас. И всё было ладно да радостно до тех пор, пока не уродились у государя Солонного три сына. Старший — наследник царский, да только среднему не давало это покоя. Хотел он сам на престол взойти и, когда пришла пора, очернил брата старшего в батюшкиных глазах: мол, дурное тот замыслил против отца, с колдунами чёрными знается, с врагами заморскими. Осерчал старший. Столько злобы да зависти породили братья, что взялись за мечи.